

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-219-231

ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

М.В. Окунь, асп. факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Шуваловский корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Представленное в данной статье повествование находится в плоскости весьма актуальной в рамках современной политологии сферы интересов — поиска “ключей” к эффективному государственному управлению, которое сегодня все больше переживает кризисы, не только в институциональных, но и в неинституциональных факторах, в частности, аксиологических. Вопрос, на который мы стараемся дать ответ, — играют ли ценности и идеология роль в стратегии развития современного государства, понимаемой как итог ключевого процесса государственной политики и управления — принятия решений, а также в ее реализации. При этом в качестве отправного мы принимаем тот факт, что ценности и идеология — пересекающиеся понятия: ценности — одна из составляющих идеологии, а идеологии направлены на формирование у людей, пожалуй, даже в первую очередь, ценностей. Для нахождения ответа на поставленный вопрос мы, прежде всего, проводим детальный анализ влияния ценностей и идеологии в принятии государственных решений (формировании государственной стратегии), т.е. на каждом уровне этого процесса — “лидерской подсистемы”, “сетевых ассоциаций элиты”, представительных органов власти и исполнительных органов власти. Затем мы рассматриваем, как ценности и идеология влияют на реализацию государственных решений, для которой необходима поддержка общества. Показав, что массовое сознание более всего откликается именно на ценностные параметры государственной стратегии, мы рассматриваем три способа приведения в соответствие ценностных оснований решений государства и ценностей общества. Затем, показав, что при трансляции от государства к обществу ценности, как правило, облекаются в форму той или иной идеологии, мы рассматриваем, почему в современной публичной политике роль идеологии, в ее классическом понимании, заметно снижается, но зато в ее современном, трансформированном понимании, напротив, увеличивается, а значит, государство и сегодня имеет мощный ресурс получения общественной поддержки для реализации своих стратегий. И, наконец, мы демонстрируем, что качества и весовое соотношение названных выше уровней формирования государственной стратегии определяют не только значение ценностей и идеологии в этом процессе, но и

* Окунь Мария Васильевна, e-mail: m.okun.09@gmail.com

учет общественных ценностей в нем, а также реальную роль презентуемой затем государством обществу идеологии.

Ключевые слова: ценности, идеология, государственная стратегия, принятие государственных решений, публичная политика, сетевые ассоциации.

VALUE-IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE MODERN STATE

Okun Maria V., Post-graduate, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky avenue, 27, bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: m.okun.09@gmail.com

The narrative presented in this article is in the plane of a very relevant sphere of interests within the framework of modern political science, this is the search for “keys” to effective public administration, which is increasingly experiencing crises today, not only in institutional, but also in non-institutional factors, in particular axiological. The question we try to answer is whether values and ideology play a role in the development strategy of a modern state, understood as the result of the key process of state policy and governance which is decision making, and in its implementation. Wherein we take as a starting point the fact that values and ideology are overlapping concepts: values is one of the components of ideology, and ideologies are aimed at forming, perhaps, even first of all, values in people. To find the answer to the posed question, we first of all conduct the detailed analysis of influence of values and ideology on state decision making (forming a state strategy), i.e. at each level of this process — “leadership subsystem”, “network associations of the elite”, representative authorities and executive authorities. Then we look at how values and ideology influence implementation of state decisions, which requires support of society. Having shown that mass consciousness most of all responds exactly to value parameters of a state strategy, we consider three ways of bringing align value bases of a state strategy and values of society. Then, having shown that when broadcasting from state to society, values are usually clothed in the form of one or another ideology, we consider why in modern public politics the role of ideology, in its classical sense, is noticeably decreasing, but in its modern, transformed understanding, on the contrary, it is increasing, which means that state today still has a powerful resource for obtaining public support for implementing its strategies. And finally, we demonstrate that qualities and weight ratio of the named above levels of forming state strategy determine not only meaning of values and ideology in this process, but also consideration of public values in it, as well as the real role of the ideology presented to society by a state.

Key words: values, ideology, state strategy, state decision making, public policy, network associations.

Стратегия развития государства в широком смысле представляет собой совокупность его намеченных и реализуемых ключевых целевых ориентиров и методов их достижения или, образно говоря, магистральную линию движения государства. В узком смысле государственная стратегия означает документально закреплённые цели и задачи государства в конкретном направлении на определённую перспективу. В этом узком понимании государство в каждый период

времени имеет набор стратегий, среднесрочных и долгосрочных, по разным направлениям своей политики. Но и в том, и другом смысле стратегия подразумевает принятие и реализацию государственных решений.

Является ли и должен ли этот процесс быть сугубо рациональным или же, напротив, в него так или иначе включаются ценности, а также может или даже должен ли он быть идеологически заданным — темы, важные в современных реалиях. Ведь эти реалии таковы, что наводят ученых на размышления о “кризисе государства”, подразумевая под этим неспособность последнего справляться со своими функциями и соответствовать ожиданиям эволюционирующего общества, и заставляют искать ответы на соответствующие вызовы не только в институциональных факторах, но все чаще и за их пределами.

Поставленные вопросы стали особенно популярны в политической науке начиная со второй половины XX в. В это время в западной политологии совершался аксиологический поворот, проявлявшийся сразу в нескольких ее направлениях. В нашем вопросе, принятии государственных решений, на смену нормативному подходу (вбирающему в себя различные модели рационального принятия решений) пришел поведенческий, отводящий ценностям, социокультурным факторам и другим подобным аспектам первостепенную роль (Лассуэлл, Зей, Марч, Ван дер Вен). Что касается идеологии, то, напротив, в 50–60-е гг. прошлого века получили распространение теории деидеологизации, коротко говоря, тезис о “конце идеологии” (Арон, Белл, Липсет, Шилз, Конверс, Фуко, Бодрийяр, Деррида, Делез, Гваттари). Но уже спустя недолгое время, в 70–80-е гг. пришла волна реидеологизации (Маркузе, Жижек и другие). Однако и в той, и в другой теориях речь идет об идеологии не в процессе принятия государственных решений, а в публичной политике, являющейся, в том числе, и пространством реализации первых.

В настоящей статье мы постараемся представить вниманию читателя как можно более полную и детальную картину наличия и роли ценностно-идеологических оснований в стратегии развития современного государства в ее полном, широком понимании, а значит, в процессе принятия государственных решений и в процессе их реализации.

Но предварим мы наше повествование ответом на исходный для понимания данной статьи вопрос. Почему мы рассматриваем ценностно-идеологические основания вместе, почему считаем возможным и нужным их объединять? Дело в том, что ценности и идеология — понятия пересекающиеся, ведь две основные составляющие идеологии — это ценности и идеи. При этом, ценности, вплетаясь

в идеи, формируют идеологии, а идеологии, получая распространение, формируют у людей ценности. Подчеркнем, что эти понятия именно пересекаются, а не совпадают: идеологии непременно включают в себя ценности, но только как одну из составляющих, а ценности вообще могут существовать и зачастую существуют безотносительно идеологии (рис. 1). Вообще же, структура идеологии складывается из трех составляющих: теоретико-концептуальных ориентиров, программных требований (соединяющих ценности и принципы с решением конкретных задач) и актуализации обоих этих представлений (в поведенческих формах сторонников и в материальных объектах)¹.

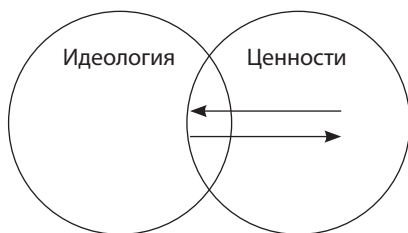

Рис. 1

Ценности и идеология в принятии государственных решений

Процесс принятия решений в государстве осуществляется на политическом и управленческом уровнях. На политическом уровне принятия государственных решений действуют следующие политико-административные элементы: лидерская субсистема (представленная, как правило, лидером страны, его окружением и его администрацией), представительные органы власти (в основном, парламент), а также различные элитарные группы (сетевые ассоциации), имеющие значительный потенциал влияния на государственную власть и управление. На управленческом уровне действует бюрократия (правительство). Задавшись целью нарисовать как можно более достоверную картину значения ценностей и идеологии в процессе принятия решений, мы проанализируем роль этих факторов в каждом из этих звеньев цепи принятия государственных решений. Кстати, представитель бихевиоризма Лассуэлл еще в первой половине XX в. утверждал о влиянии ценностей на различных уровнях поли-

¹ Соловьев А.И. Публичная политика и будущее идеологий // Гражданский сектор государственного управления: Монография / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2018. С. 55.

тической системы и, тем самым, превращении частных интересов в общественные цели². Посмотрим, что покажет наш анализ.

Лидер, ядро *лидерской субсистемы* и венец иерархической организации государственного управления (рис. 2), в своей деятельности руководствуется как идеями, так и ценностями, которые могут быть как собственными, так и “навеянными” его окружением, а также различными профессиональными консультантами (советниками). Лидерская субсистема задает характер правящего режима, который может быть идеологическим, прагматическим или находиться на стыке этих двух вариантов. В современном мире имеет место возрастание роли лидерской субсистемы в государственном управлении как ответ на значительное усложнение последнего³, а значит, и производимых ею ценностей.

В современном мире имеет место возрастание роли лидерской субсистемы в государственном управлении как ответ на значительное усложнение последнего⁴, а значит, и производимых ею ценностей.

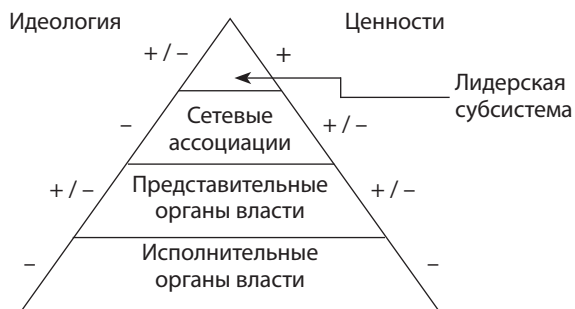

Рис. 2.

Вторым уровнем в иерархии звеньев принятия государственных решений (а фактически зачастую и первым, учитывая подчас их огромный потенциал влияния на лидерскую субсистему) выступают элитарные группы различного генеза, которые называют “сетевыми ассоциациями”, “*сетевыми ассоциациями правящего класса*” или “сетями” (рис. 2). Сети отличаются механизмом их взаимодействия с официальными органами власти и управления: коротко говоря, первые предоставляют вторым ресурсы взамен на нужные им го-

² Принятие и исполнение государственных решений / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2015.

³ Соловьев А.И. Идеино-ценностные основания лидерской субсистемы // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография. М., 2018. С. 93.

⁴ Там же.

сударственные решения. По мнению многих ученых, в современном государстве эти группы имеют наибольший вес в процессе принятия решений: они определяют “верхние строчки политической повестки дня”⁵, что позволяет даже утверждать, что “политика по своей сути является сетевым феноменом”⁶; а происходит это по причине обладания этими группами большими ресурсами наряду с невозможностью осуществления какого-либо гражданского контроля на верхних ступенях властной иерархии. Говоря о роли ценностей в этих структурах, отметим, что общие ценности, наряду с взаимообменом ресурсами и идеями, признаются исследователями в качестве основы коллективного действия участников сетей⁷. Ведь потенциальные участники сети выбирают для инвестиций своих ресурсов ту сеть, направленность деятельности которой ближе всего к их личной и групповой системе ценностей и политических приоритетов⁸. В итоге, “ценностные предпочтения элитарных кругов превращаются в основной источник инициации государственных решений”⁹, но здесь под ценностями подразумеваются, как правило, “предметные установки доминирующих сетей”¹⁰; иными словами, “внутренние, субъективные представления правящего класса превращаются в решающий источник разработки и осуществления государственных стратегий”¹¹. При этом в современном государстве преобладают латентные сети, т.е. сокрытые от глаз общественности, движимые своими личными и групповыми ценностями, а не общественными, ориентирующиеся, главным образом, на получение ресурсов¹². Для таких сетей исконное значение понятия “ценность” замещается значением понятия “интерес”, конкретный, прагматический. К слову, главным образом, по причине прагматического характера интересов

⁵ Gairney P. Understanding public policy: theories and Issues. Basingstoke, 2012. С. 8.

⁶ Scott D., McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. N 1. P. 1–4.

⁷ Михайлова О.В. Политические сети как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // Идеи и ценности в государственном управлении. С. 108.

⁸ Stokman F, Zeggink E. Is political power or policy oriented? A comparative analysis of dynamic access models in policy Networks // Journal of Mathematical Sociology. 1996. Vol. 21.

⁹ Соловьев А.И. Этика правящего класса как источник государственных стратегий // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 88.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 85.

¹² Михайлова О.В. Ценностные основания государственного управления как фактор формирования политических сетей // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Мат.-лы 15-й Международной конференции “Государственное управление в XXI веке”. М., 2018. С. 643.

большинства современных сетевых ассоциаций элиты не может стать объединяющим “духовным началом” для таких групп идеология. Отметим, что сетевые ассоциации, благодаря своим разнородным ресурсам и рычагам влияния, могут транслировать свои ценности как на все ступени вниз пирамиды звеньев принятия государственных решений, так и на верхнюю ступень (рис. 2). Следовательно, так как, как мы отметили, в современных государствах растет влияние латентных сетей на государственное управление, растет и влияние их “ценностных” предпочтений, а скорее, прагматических интересов, по причине которого значение общественных ценностей в принятии государственных решений снижается.

На третьем, по нисходящей, уровне формирования государственной стратегии *представительные органы власти* (рис. 2) по своей идее должны руководствоваться во всей своей деятельности общественными ценностями. Однако на деле эти ценности зачастую подменяются ценностями (интересами), лоббируемыми в этих органах сетевыми ассоциациями. Что касается идеологии, то этот уровень в потенциале наиболее идеологический из всех уровней принятия государственных решений. Ведь на нем функционируют партии, формируемые для представительства групповых интересов, выразителем которых служит, главным образом, идеология. Но доминирование в современных политических процессах сетевых ассоциаций приводит и к существенному падению реальной значимости партий в них. Кроме того, снижение роли партий, а значит, и идеологий, происходит по причине эволюции структуры и ментальности современных обществ, вследствие чего традиционные массовые партии становятся всего лишь “бюрократическими и электоральными машинами”¹³.

На последнем, *исполнительном, уровне принятия государственных решений* (рис. 2) идеология и ценности действуют только лишь как транслированные верхними этажами и задающие общий тон деятельности чиновнического аппарата. Непосредственно в самом процессе деятельности бюрократии нет места ни ценностям, ни идеологии. Ведь этот процесс рациональный и иерархически организованный, осуществляемый в соответствии с предписанными нормами и регламентами¹⁴.

Таким образом, в современном мире в формировании стратегии развития государства повышается роль лидерской subsystemы, которая может задавать как идеологический, так и прагматический характер государственному управлению, но которая всегда, осознава-

¹³ Schwarzmantel J. J. Ideology and Politics. SAGE Publications, 2009. С. 44.

¹⁴ Государственная политика / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 44–58.

емо или нет, руководствуется теми или иными ценностями. Но в еще большей мере растет значение сетевых ассоциаций элиты, главным образом, “эгоистически” настроенных, а потому и латентных, чуждых идеологическому мышлению и с преимущественно прагматическими предпочтениями, заменяющими ценности. Эти структуры во многом диктуют свою волю представительному и исполнительному уровням государственного управления (кроме того, что и вышестоящей лидерской подсистеме), что приводит к значительному снижению фактического внимания к общественным ценностям, представленным, в том числе, и в форме партийных идеологий. Обобщая, можно заключить, что в процессе принятия решений в современном государстве определенно снижается роль идеологии, а также и ценностей, в особенности, общественных; и происходит это, главным образом, по причине влияния на все уровни этого процесса латентных сетевых ассоциаций.

Ценности и идеология в реализации государственных решений

Стратегия развития государства предполагает и реализацию принятых решений. *Для успешной реализации принятых государством решений необходимы их одобрение и поддержка обществом. Общество же более всего реагирует на ценностные составляющие устанавливаемых ориентиров развития государства.* Неслучайно некоторые ученые при анализе массового сознания рассматривают рациональность как минимально значимую величину, в то время как при анализе действий элиты — как основной фактор¹⁵. (Это дополнительно подтверждает и наши предыдущие выкладки о том, что ценности и идеология ограничены в принятии решений в государственном управлении, осуществляемых элитой). Поэтому *государство стремится наилучшим для получения общественного согласия образом донести ценностное обоснование принятых и реализуемых стратегий до общества, а общество воспринимает это обоснование сквозь призму своих ценностей.*

Приводить в соответствие свои стратегии с массовыми общественными ценностями государство теоретически может несколькими способами. Во-первых, государство может подстраивать свои стратегии под доминирующие в обществе ценности. Во-вторых, государство может, наоборот, целенаправленно формировать в обществе ценности, соответствующие выбранному им курсу политики. В-третьих, государство может выяснять актуальные ценности

¹⁵ Fiorina M.P. Congress: keystone of Washington establishment. New Haven, 1989.

общества и учитывать их при разработке своей политики путем организации или поддержания обсуждения ценностей в публичном пространстве¹⁶. Первый способ повышает стабильность политической системы, так как ценности массового сознания достаточно консервативны; второй способ обладает наибольшим инновационным потенциалом; а третий является наиболее демократическим. На деле государство одновременно сочетает в той ли иной степени все три способа ценностной ориентации своих стратегий. При этом на деле второй и третий способы зачастую превращаются в то, что еще М. Мур в 1995 г. назвал “созданием общественной ценности”¹⁷ принимаемых государством решений. И, как это можно назвать, “угол разворота” данных способов в значительной степени зависят от характера лиц и групп, принимающих решения в государстве. *Чем более процесс принятия государственных решений обусловлен влиянием латентных сетевых структур, ориентирующихся на собственные, а не общественные ценности, тем более эти способы превращаются в ценностную легитимизацию принятых в угоду узко групповым интересам государственных решений, т.е. тем более эти презентуемые обществу ценности оторваны от реальной ценностной основы государственных стратегий.*

В направлении политической коммуникации от государства к обществу по объяснению второму ценностных параметров государственных стратегий ценности зачастую облекаются в форму идеологии. (Существует даже мнение, что в современном обществе ценности вытекают из идеологий: господство какой-либо идеологии или определенный идеологический консенсус определяет ценности современных обществ¹⁸). Ведь ценности, являясь очень глубокими элементами структуры личности и обладая потому потенциально сильными мотивирующими возможностями, не имеют предметно-целевой направленности. Поэтому “ориентационно-целевое и направляющее содержание ценностей чаще всего в национальном государстве выражается в идеологических требованиях”¹⁹. Кроме

¹⁶ Пушкирева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: государственное управление в поиске новых концептуальных оснований // Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития. Сб. ст. / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкиревой. М., 2019. С. 109–111.

¹⁷ Moore M. Creating public value: Strategic management in government. Cambridge, 1995. С. 22–23.

¹⁸ Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартянова, Л.Г. Фишмана. М., 2016. С. 158.

¹⁹ Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе. Дисс. ... докт. политич. наук. М., 2007. С. 116.

того, что важно, групповой характер идеологии, как ее основное свойство, делает ее *эффективным инструментом для вызывания групповой идентификации людей*.

Однако в современных государствах *эффективность этого инструмента снижается*. Еще теоретики деидеологизации в середине прошлого века заговорили о “конце идеологии”, который они связывали, главным образом, со значительным сокращением дистанции между социальными классами в западных обществах и, следовательно, неактуальности групповой классовой идентификации людей, место которой все больше занимает идентификация индивидуальная²⁰. Эта тенденция разворачивает свое действие и по сей день. Современным обществам свойственна сильная фрагментация, а также индивидуализм составляющих его индивидуумов. В тех же государствах, которые нельзя в полном смысле этого слова назвать современными — авторитарных, тоталитарных, а также посттоталитарных и переходных — идеология и по сей день во многом сохраняет свое прежнее значение, ведь она уже являет собой устоявшийся тип политического мышления общества, прочно укоренившись в массовом сознании за счет своего длительного присутствия в нем. Но и в государствах современного типа идеология все же играет роль в публичной политике, но выступая в отличном от своего традиционного понимании. Так, многие ученые считают, что в современных обществах “новые” идеологии приходят на смену “старым”, приспосабливаясь к фрагментированности и индивидуалистичности этих обществ. А именно, “молекулярные” идеологии приходят на смену “тоталистичным”. Если последние задают политику “движений”²¹ (ориентирующих политическое действие на некую всеохватывающую цель, положительные результаты достижения которой, возможно, увидит только следующее поколение, делающих акцент на полную реструктуризацию общества), то первые — политику “кампаний”²² (конкретных проблем, вопросов, которые могут быть разрешены здесь и сейчас). Однако, по мнению некоторых других авторов, эти “новые” идеологии не имеют “достаточную глубину и широту для того, чтобы быть настоящими идеологиями”²³, а потому будущее — за слиянием старых и новых идеологий. Кроме того, еще теоретики реидеологизации в последней трети прошлого века выдвинули тезис о том, что в условиях существования современных государств

²⁰ См. например: Bell D. The end of ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. Cambridge, 2000. С. 403.

²¹ Rorty R. Movements and Campaigns. Dissent, 1995. С. 55–60.

²² Там же.

²³ Schwarzmantel J.J. Ideology and politics. N.Y., 2009. P. 40.

идеология, напротив, имеет гораздо большие возможности влияния на общество за счет появления в ее распоряжении такого мощного инструмента, как средства массовой информации²⁴. Однако отметим, что применительно к этому явлению термин “идеология” также не совсем релевантен; скорее, он замещается понятием “культура”. И сегодня многими учеными (Ю. Хабермас, Т. Ван Дайк, П. Брике, А. Гоулднер, Дж.Б. Томпсон, К. Лефорт, Д. Крото и др.) идеология понимается в смысле “технологических” возможностей государства создавать в обществе необходимые первому ценности²⁵. Таким образом, *несмотря на соответствующее современным тенденциям эволюции общества снижение роли идеологии (в ее традиционном понимании) в публичном пространстве политики, она способна быть инструментом ценностного обоснования для общества государственных стратегий, обеспечивать массовую поддержку поставленным государством целям и тем самым способствовать их достижению.*

Заключение

Роль ценностных и идеологических оснований в государственном управлении в значительной степени зависит от характера и веса в этом процессе его основных участников. Ценностные ориентации лидерской субсистемы, являющейся венцом иерархической организации государственного управления, а также качество публичных институтов (их развитость или неразвитость, сила или слабость) могут задавать характер правящего режима и сетевую этику правящего класса. При демократических режимах этика сетевых ассоциаций такова, что последние осознают свою зависимость от общества и испытывают чувство ответственности перед ним, а значит, государственные стратегии во многом являются откликом на общественные ценности, а презентуемые государством “идеологии”, в их современном понимании, — средством реализации этих стратегий, получения общественной поддержки. При недемократических режимах сетевые ассоциации в своей деятельности руководствуются абсолютным приоритетом собственных интересов в ущерб общественным. И в этом случае, когда правящий режим потворствует процветанию латентных, прагматически настроенных, сетевых ассоциаций, все звенья государственного управления становятся пронизанными практическими интересами этих сетей, вытесняющими из процесса формирования стратегии государства общественную ценностную и

²⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 15; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 20.

²⁵ Тузиков А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005. С. 8–9.

идеологическую компоненты. А в процессе реализации стратегии, в этом случае, транслируемые государством обществу ценности, как правило, в идеологической форме, являют собой не реальное обоснование принятых государственных решений, а исключительно легитимизацию последних, направленную на отвлечение внимания общества от “провалов общественных ценностей”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственная политика / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2013.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
- Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
- Михайлова О.В. Политические сети как механизм трансляции ценностей в государственном управлении // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография. М., 2018. С. 103–120.
- Михайлова О.В. Ценностные основания государственного управления как фактор формирования политических сетей // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Мат-лы 15-й Международной конференции “Государственное управление в XXI веке”. М., 2018. С. 642–646.
- Принятие и исполнение государственных решений / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2015.
- Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: государственное управление в поиске новых концептуальных оснований // Политика и управление государством: Новые вызовы и векторы развития. Сб. ст. / Под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. М., 2019. С. 108–124.
- Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартынова, Л.Г. Фишмана. М., 2016.
- Соловьев А.И. Этика правящего класса как источник государственных стратегий // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 83–96.
- Соловьев А.И. Идеино-ценностные основания лидерской субсистемы // Идеи и ценности в государственном управлении: Монография. М., 2018. С. 81–103 (а).
- Соловьев А.И. Публичная политика и будущее идеологий // Гражданский сектор государственного управления: Монография / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2018. С. 54–73 (б).
- Тузигов А.Р. Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005.
- Якунин В.И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе. Дисс. ... докт. политич. наук. М., 2007.

REFERENCES

- Bell D. The end of ideology: on the exhaustion of political ideas in the fifties. Cambridge, 2000.
- Fiorina M.P. Congress: keystone of Washington establishment. New Haven, 1989.
- Gairney P. Understanding public policy: theories and issues. Basingstoke, 2012.
- Gosudarstvennaya politika [The state policy] / Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2013 (in Russian).
- Markuze G. Odnomernyi chelovek [One-dimensional man]. M., 1994 (in Russian).

Mikhailova O.V. Politicheskie seti kak mekhanizm translyatsii tsennosti v gosudarstvennom upravlenii [Political networks as a mechanism for transmitting values in public administration] // Idei i tsennosti v gosudarstvennom upravlenii. Monografiya. M., 2018. P. 103–120 (in Russian).

Mikhailova O.V. Tsennostnye osnovaniya gosudarstvennogo upravleniya kak faktor formirovaniya politicheskikh setei [Value foundations of public administration as a factor for forming political networks] // Gosudarstvennoe upravlenie Rossiiskoi Federatsii: vyzovy i perspektivy. Materialy XV Mezhdunarodnoi konferentsii “Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke”. M., 2018. P. 642–646 (in Russian).

Moore M. Creating public value: strategic management in government. Cambridge, 1995.

Prinyatie i ispolnenie gosudarstvennykh reshenii [Adoption and enforcement of government decisions] / Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2015.

Pushkareva G.V. Menedzhment publichnykh tsennosti: gosudarstvennoe upravlenie v poiske novykh kontseptual'nykh osnovanii [Management of public values: public administration in the search for new conceptual foundations] // Politika i upravlenie gosudarstvom: Novye vyzovy i vektory razvitiya. Sbornik statei. M., 2019. P. 108–124 (in Russian).

Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv [Russia in search of ideologies: the transformation of the value regulators of modern societies] / Pod red. V.S. Mart'yanova, L.G. Fishmana. M., 2016 (in Russian).

Rorty R. Movements and Campaigns. Dissent, 1995.

Schwarzmantel J.J. Ideology and politics. N.Y., 2009.

Scott D., McClurg S., Lazer D. Political Network // Social Network. 2014. Vol. 36. N 1. P. 1–4.

Solov'ev A.I. Ideino-tsennostnye osnovaniya liderskoi subsistemy [Idea-value foundations of the leadership subsystem] // Idei i tsennosti v gosudarstvennom upravlenii. Monografiya. M., 2018. P. 81–103 (in Russian).

Solov'ev A.I. Publichnaya politika i budushchee ideologii [Public policy and the future of ideologies] // Grazhdanskii sektor gosudarstvennogo upravleniya / Pod red. A.I. Solov'eva. M., 2018. P. 54–73 (in Russian).

Solov'ev A. I. Etika pravyashchego klassa kak istochnik gosudarstvennykh strategii [Ethics of the ruling class as a source of state strategies] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2015. N 4. P. 83–96 (in Russian).

Stokman F., Zeggelink E. Is political power or policy oriented? A comparative analysis of dynamic access models in policy Networks // Journal of Mathematical Sociology. 1996. Vol. 21.

Tuzikov A.R. Ideologiya v teoreticheskom izmerenii: mezhdru proshlym i budushchim [Ideology in the theoretical dimension: between past and future]. M., 2005 (in Russian).

Yakunin V.I. Protsessy i mekhanizmy formirovaniya gosudarstvennoi politiki v sovremennom rossiiskom obshchestve [The Processes and Mechanisms of the Formation of Public Policy in Modern Russian Society]. Doctor's thesis. M., 2007 (in Russian).

Zhizhek S. Vozvyshennyi ob'ekt ideologii [The sublime object of ideology]. M., 1999 (in Russian).